

Психология и рефлексология на II Съезде по Психоневрологии.

(Речь на годовичном заседании Общества Врачей при Казанском Университете 7/II 1924).

Д-ра И. С. Алуфа.

Состоявшийся с 3 по 10 января с. г. в Ленинграде II Всероссийский Съезд по Педологии, Экспериментальной Педагогике и Психоневрологии,—или, лучше, вернее и проще,—Съезд по изучению здоровой и больной личности,—имеет несомненно крупное научно-общественное значение. Десять секций:—1) нормальной и патологической рефлексологии, 2) рефлексологии труда и технической рефлексологии, 3) криминальной рефлексологии и психологии, 4) педологии и экспериментальной педагогики, 5) психологии, 6) детской дефективности, 7) неврологии и невропатологии, 8) психиатрии, 9) гипноза, внушения и психотерапии и 10) терапии нервных и душевных болезней,—906 делегатов, в том числе 429 врачей, 373 педагога, 104 рефлексолога и психолога, 591 ленинградец, 153 москвича и 162 иногородних, 326 заслушанных докладов, в том числе 216 ленинградских, 58 московских и 52 остальных, 79 заседаний (76 секционных и 3 пленарных)—таковы цифровые итоги Съезда, сами говорящие за себя. Представляется совершенно невозможным охватить сейчас всю работу Съезда. С обоснованной научной оценкой работ последнего придется подождать до выхода его трудов, которые, по заявлению ответственного руководителя Съезда, председателя его Организационного Комитета, академика В. М. Бехтерева, увидят свет в ближайшем будущем. Общее впечатление: громоздко, пестро, многолюдно, но наряду с этим выявление синтетически понимаемой личности, как общего объекта изучения психоневрологов, педологов, дефектологов и рефлексологов, и ряд работ, имеющих, несомненно, крупное научное значение. Здесь мы считаем уместным остановиться более подробно на том, что являлось доминирующим мотивом Съезда, центром его внимания, именно, на основных, принципиальных методологических вопросах психоневрологии, вопросах о месте эмпирической психологии, рефлексологии и биосоциологии в постановке и решении проблемы личности, ибо и то, что внимание Съезда было приковано именно к этим вопросам, и то, что в работе Съезда выявился несомненно отход его большинства от психологического субъективизма и эмпиризма к последовательному материализму и объективизму, является типичнейшей чертой Съезда, определявшей, с одной стороны, его научную физиономию, а с другой—придававшей ему характер значительного общественного события.

Чтобы лучше ориентироваться относительно той борьбы, которая шла на Съезде вокруг этих вопросов, остановлюсь предварительно в самых кратких чертах на положении вещей в современной психологии. Положение это иначе, как кризисом, назвать нельзя. Относительно наличия здесь именно кризиса, и весьма острого, согласны многие выдающиеся авторы. „Кто знаком с современной психологической литературой, с ее направлениями и тенденциями, особенно в отношении принципиальных вопросов, не может, я думаю, сомневаться, что наша наука переживает ныне тяжелый, хотя и крайне плодотворный кризис“, говорит проф. Ланге. Далее он же замечает: „Ныне общей, т. е. общепризнанной, системы в нашей науке не существует,—она исчезла вместе с ассоциационизмом. Психолог наших дней подобен Приаму, сидящему на развалинах Трои“.

Источником кризиса является неудовлетворенность эмпирической психологией, неудовлетворенность двоякого характера: с одной стороны—теоретико-познавательного, ибо вся громадная трата умственной энергии выдающихся исследователей, психологов и мыслителей, в течение столетий, а если угодно,—тысячелетий, начиная с Платона, нисколько не поднянула нас в расшифровании „психического“, и чрезвычайно простые и меткие слова нашего знаменитого физиолога, проф. И. П. Павлова, что „пораженный фантастичностью и научною бесплодностью такого отношения (суб’ективного истолкования) к поставленной задаче, он стал искать другого выхода“,—как нельзя лучше характеризуют положение вещей в суб’ективной психологии с этой (теоретико-познавательной) стороны. Именно фантастичность и научная бесплодность. Трудно лучше и проще подобрать слова. С другой—источник этой неудовлетворенности был, так сказать, практического характера: занимаясь отдельными элементами душевной жизни,—ощущением, восприятием, представлением, чувством и желаниями, открывающимися в самонаблюдении,—психология мало, если не сказать совсем, не уделяла внимания личности в целом,—не говоря уже о личности в коллективе, как его части,—и тому, что характеризует личность в целом—ее поведению. „Факты остаются, иллюзии гибнут“, говорил еще Писарев. Факты—это в конечном счете то, что личность делает, иллюзии—то, что она думает, чувствует и желает. „Добрыми намерениями ад вымощен“,—такова формулировка презрительно-иронического отношения к „внутренним переживаниям“ по сравнению с действиями, реакциями в понимании личности, идущая из другого, народного источника. Вот почему быть психологом так часто еще не значило понимать живую личность, и вот почему эмпирическая психология оказалась не в состоянии удовлетворить могущественным потребностям прикладных дисциплин: педагогики, психотехники и наших—психиатров, невропатологов и психотерапевтов, когда мы к ней обращались, желая понять душевно-больного, психопата и психоневротика и найти в ней рациональную опору для их лечения. „На основании одной цитаты, приведенной у Thorndike’a, можно догадываться, что деловой американский ум, обращаясь к практике жизни, нашел, что важнее знать внешнее поведение человека, чем гадать об его внутреннем состоянии со всеми его комбинациями и колебаниями“,—

говорит проф. И. П. Павлов. На почве этого кризиса в современной психологии возникали течения двоякого рода: одни—остающиеся в общем и целом на почве субъективной психологии, другие—окончательно порывающие с ней и даже с самым термином „психология“. Нетрудно видеть, что „поток сознания“ и „переходные состояния сознания“ James'a, „предметное сознание“ и „вчувствования“ Lipps'a, „интенция“ Gusserl'a, „допущение“ Meinong'a, „акты“ Messer'a, „функции“ Stumpf'a, „положения сознания“ Marbet, „психические позы“ Binet, „подсознательное“ Jastrow'a и Janet—являются выражением кризиса у авторов, выдающихся исследователей, стремившихся, оставаясь на почве субъективной психологии, глубже проникнуть в действительные душевные переживания, о которых, по свидетельству проф. Bumke, официальная психология так мало знала. Критический процесс этим, однако, не мог ограничиться, ибо не на этом пути лежало удовлетворение назревших и громко о себе заявлявших потребностей. Атака психологии начинается с других, и самых опасных, сторон—физиологии, неврологии, психиатрии, реактологии (И. П. Павлов, В. М. Бехтерев, Freud, Jung, Adler, Корнилов и др.). Встает уже вопрос о ликвидации субъективной психологии и замене ее рефлексологией, наукой о поведении человека и т. д. Сказанного, думается нам, достаточно, чтобы перейти к той постановке, которую эти вопросы получили на Съезде.

Общей принципиальной дискуссии об объективном и субъективном методе в изучении личности были посвящены первые два пленарных заседания Съезда. Точка зрения эмпирической психологии была формулирована в речи проф. А. П. Нечаева „Психология, как наука, и ее современное значение“ и в докладе проф. Кракова „Об объективном значении интроспективного метода“, точка зрения рефлексологии—в докладах проф. В. М. Бехтерева „Основы генетической рефлексологии“ и „Объективное исследование личности нормальной и патологической“.

Речь проф. Нечаева сводилась к следующему. В связи с революцией мы стоим перед переоценкой ценностей и в области науки. Возникает вопрос о праве психологии на существование. Заявляют: она—отголосок метафизики, она может быть заменена физиологией (рефлексологией). Между тем самонаблюдение—основной источник психологических знаний. Без потока самонаблюдения наступило-бы ничто, исчез-бы всякий источник знаний, перестал-бы существовать сознаваемый мир. Реальное—самое непостижимое и рядом с этим субъективный мир—самое реальное. Именно представители естествознания всего более сделали для доказательства всеобъемлемости субъективного опыта. Жизненны „переживания“ минувших эпох, между тем как реальное знание, например, Аристотеля, кажется лепетом. Отсюда право на существование психологии. Могут сказать, что дело сводится к познанию самого себя. Здесь недоразумение. Речь идет об убеждении, что существа, сходные по своей организации, имеют один и тот же поток самонаблюдения. Отсюда проблема объективации самонаблюдения, ибо можно видеть чужой смех, но не чужую радость, чужие слезы, но не чужую печаль. Об-

ективация самонаблюдения требует тщательного изучения. Какие факты самонаблюдения могут стать предметом об'ективации?— вот задача. В решении этой задачи об'ективная ценность психологических изысканий. В процессе об'ективации физиологические наблюдения имеют большую ценность. Физиология так много дает психологии, что у некоторых возникает вопрос, не дает ли она всего. Средством об'ективации является психологический эксперимент. Но,— скажут некоторые,— зачем самонаблюдение? Важно, как люди себя ведут, а что они при этом переживают,—это не предмет науки. Это не так. Психология была источником истинной гуманности. Процесс самонаблюдения труден,—это верно. Об этом говорил еще Auguste Comte. Вся трудность заключается в том, чтобы при перенесении своего опыта на других избежать того, что составляет личный опыт. Теперь о подходах. Ни материалистический, ни идеалистический подходы не дадут правильной об'ективации самонаблюдения. Основной идеал эмпирической психологии лежит вне всяких подходов. Воспитательное и общественное значение эмпирической психологии— в культивировании взаимного понимания.

Точку зрения рефлексологии, как уже было сказано, развил В. М. Бехтерев. Базой и исходным пунктом рефлексологии в России, как известно, являются работы проф. И. П. Павлова и В. М. Бехтерева и их учеников. Своим гениальным 20-летним опытом об'ективного изучения высшей нервной деятельности животных проф. Павлов заложил основы учения об условных рефлексах и вскрыл важнейшие законы их образования и угасания, положив тем самым начало „настоящей“ физиологии больших полушарий. Дело началось вот с чего. „Я не мог оставить без внимания и так называемое до тех пор психическое возбуждение слюнных желез“,—говорит проф. Павлов. „И это тем более,—продолжает он же,—что я сам точно установил также и психическое возбуждение желудочных желез“. „Я решил и перед так наз. психическим возбуждением остаться в роли чистого физиолога, т. е. об'ективного внешнего наблюдателя и экспериментатора, имеющего дело исключительно с внешними явлениями и их отношениями“. „Переход физиолога от чисто-физиологических вопросов к области явлений, обычно называемых психическими, произошел. Хотя и неожиданно, но вполне естественно и,—что мне кажется особенно важно в этом деле,—без изменения, так сказать, методического фронта“.

А вот те 2 круга самых явлений, которые легли в основу работы проф. Павлова и его школы. Круг I: „Вы даете животному сухие, твердые сорта пищи,—льется много слюны; на богатую водой пищу слюны выделяется гораздо меньше“. „Из слизистых слюнных желез на всякую пищу течет богатая муцином слюна—смазочная слюна; на все сильно химически раздражающие вещества слюна также течет, но водянистая“. „Это—факты, обнаруживающие какую-то разумность, но механизм этой разумности весь, как на ладони. Он—в центробежных нервах слюнных желез, которые по преимуществу то гонят воду слюны, то накапливают в ней специальные органические вещества, и в том, что внутренняя стенка полости рта представляет отдельные участки, обладающие различной специ-

альной раздражительностью—то механической, то химической, то термической. От этих участков со специальной раздражительностью идут особые центrostремительные нервы. Таким образом в основании приспособлений лежит простой рефлекторный акт“ Круг II: „Те же объекты действуют на слюнные железы также и тогда, когда находятся на известном расстоянии от собаки. Это называют психической реакцией со стороны животного. Что делать физиологу с этими данными? Нужно-ли для их понимания проникнуть во внутренний мир животного? Нет. Что характерного в этих новых явлениях сравнительно с физиологическими?“—Действие на расстоянии. Но это, строго говоря, несущественно, ибо дело сводится к чисто-физиологическому явлению—действию на другие специально раздражимые поверхности тела: нос, глаз, ухо. Различие лежит в другом—в том, что в качестве раздражителя выступают не те свойства предметов, на которые обращается действие слюны, а световые, звуковые, обонятельные и другие свойства, которые, принадлежа другим предметам, остаются без всякого влияния на слюнные железы, т. е. что в „психических“ опытах связь предметов, раздражающих слюнные железы, становится все отдаленней и тоньше. Речь идет, стало быть, о факте дальнейшего приспособления“. Следовательно, в основе всех „психических“ опытов лежит тот же специальный рефлекс, как основной и самый общий механизм. Разница в том, что опыт в его физиологической форме дает всегда один и тот результат,—это *безусловный* рефлекс, тогда как для „психического“ опыта характерно именно его непостоянство, рыхлость связи, ее зависимость от значительно большего количества условий. Это, стало быть, *условный* рефлекс. Нетрудно видеть, что безусловные рефлексы могут быть названы иначе постоянными, старыми, прирожденными, а условные—временными, новыми, приобретенными. В ходе 20-летних исследований школой проф. Павлова установлен и изучен ряд явлений, относящихся к условным рефлексам: условия их образования, торможения—сонное, внешнее и внутреннее, виды внешнего торможения—простой и гаснущий тормоз, виды внутреннего торможения—угасание, запаздывание, условный и дифференцировочный тормоз, торможение тормозов или растормаживание, механизм анализаторов, иррадиация и концентрация возбуждения, сон и гипноз, как виды внутреннего торможения, физиологическая конституция больших полушарий. Мы не имеем возможности здесь определить все эти явления, которые теперь уже могут считаться общеизвестными. Мы их перечислили, чтобы коротко иллюстрировать, какой огромный круг явлений охвачен объективно-экспериментальным методом условных рефлексов,—явлений, относящихся к сложнейшей области, физиологии больших полушарий.

Тот же круг идей лежит в основе работ проф. В. М. Бехтерева и его школы со следующими различиями: 1) В. М. Бехтерев перенес метод условных рефлексов на человека, 2) вместо употребляемого школой проф. Павлова, как основы для высшей нервной деятельности, секреторного компонента прирожденных пищевых и оборонительных против кислоты рефлексов, В. М. Бехтерев пользуется оборонительным рефлексом против разрушитель-

ного (болевого) раздражения кожи в виде двигательной реакции, и 3) самый условный рефлекс проф. Бехтерев называет сочетательным. При известном, теперь уже совершенно законном обобщении, вся деятельность человеческого организма, его установка по отношению к среде, может быть разложена на две категории явлений: врожденных, постоянных, безусловных рефлексов и приобретенных, временных, условных рефлексов. Чем однообразнее отношения животного к среде, чем неизменнее самая среда, тем больше роль рефлексов безусловных, связей постоянных; чем, наоборот, изменчивее среда, чем разнообразнее отношения животного к ней, тем больше роль рефлексов условных, связей временных. Всего большей изменчивостью отличается среда, в которой живет, из представителей животного царства, человек; всего разнообразнее отношения к среде у человека; отсюда огромная роль в определении понятия homo условных рефлексов. Если так сложны, как известно, взаимоотношения условных рефлексов у собаки, в обстановке эксперимента, то мы имеем полное право смотреть на жизнь человеческую, как на игру его условных рефлексов. Но рефлекс—понятие чисто-физиологическое, в состав его компонентов входят явления дыхательные, сосудистые, двигательные, секреторные и т. д.; отсюда совершенно ясно, что учение о рефлексах, как установках на внешнюю среду, ведет нас прямым путем по отношению к человеку к физиологической или биологической в прямом смысле динамике в зависимости от динамики общественной. Пусть это не покажется парадоксом, но можно будет говорить о типе дыхания в такую-то эпоху, среди таких то групп населения и т. д. Скажут,—это факты, которые и раньше были известны. Но они изучались не в той связи, это были факты, научно не осмысленные.

Мы стоим, таким образом, перед переворотом в биологии, мы присутствуем перед колебанием.—правда, начальным, едва заметным,—„Ignorabimus“ Du-Bois-Raymond'a. Если мы вспомним, что кризис в психологии имел своим первейшим источником то, что психология познавала что угодно, но только не *действенную* личность, то поймем, каким образом учение о рефлексах, по мере его развития, получило тенденцию в трудах русских ученых, особенно проф. Бехтерева, развиться в особую дисциплину—рефлексологию, которая и должна вести к познанию действенной личности объективно-биологическим методом. Защите методологической позиции рефлексологии и были посвящены на С'езде доклады проф. Бехтерева.

В первом докладе („Основы генетической рефлексологии“) В. М. Бехтерев констатирует полную беспомощность субъективной психологии по отношению к младенческому возрасту и, стало быть, невозможность при помощи ее методов изучить психогенез. Это обстоятельство вновь и вновь доказывает, что стороннюю личность можно изучать только объективно-биологически или рефлексологически. Рефлексологический эксперимент основан на создании новых связей—сочетательных. Для рефлексологии поэтому, как раз наоборот, незрелость, а также медленное созревание объекта (младенца) составляют, в связи с параллельным неврологическим анализом, особую ценность. На младенцах мы можем изучить наложение высших

рефлексов на низшие. Генетический метод дает возможность выяснить, что унаследовано от природы, и что приобретено от внешней среды. У только что рожденного младенца преобладают сложные двигательные реакции, не связанные между собою. Общая пищевая реакция затем тормозит у младенца все остальные, является доминантой (пищевая доминанта), т.к. при ней один центр возбуждается, другие тормозятся. Невыраженность ее в первые дни после рождения есть признак недоразвития; с другой стороны появление торможения этой доминанты указывает на развившиеся уже широкие связи мозговых центров. Второй по времени является доминанта изменения положения младенца, затем, со второго месяца, развивается зрительная доминанта и несколько позже — слуховая. В связи с определенной доминантой развиваются и сочетательные рефлексы. Развитие доминант относится к функции мозговой коры. Звукосветовыми сигналами можно вызвать к этому времени искусственный сочетательный рефлекс. Далее докладчик описывает рефлексы в порядке их развития. Первичная активность является чисто-рефлекторной, позднее же она становится сочетательно-рефлекторной, на почве определенных доминант — первично-пищевой, а затем зрительной и слуховой. Рефлексологическое изучение ребенка имеет большое научно-практическое значение, т.к. может предупредить образование неправильных связей в мозгу. Воспитание в этом смысле должно начинаться со дня рождения. Наблюдение над реакциями дает основу для воспитания в младенческом возрасте.

Во втором докладе („Объективное исследование личности нормальной и патологической“) В. М. Бехтерев снова подверг критике метод самонаблюдения. Субъективную психологией не разрешена проблема чужого „я“. Одни приходят к солипсизму, Lirrs приходит к утверждению, что чужое „я“ есть предмет веры и т. д. Ни доказательство существования чужого „я“, ни точное его изучение на почве субъективного метода невозможны. В конечном счете изучение внутренних переживаний сторонней личности сводится к простой аналогии с самим собою и неизбежному возвращению к собственным переживаниям. Еще более очевидной становится несостоятельность субъективного метода при разрешении таких проблем, как филогенез и онтогенез сознания. Где начинается сознание в ряду животного царства, когда возникают впервые сознательные процессы в голове младенца? Бесполезно было-бы искать ответа на эти вопросы в субъективной психологии. Тем самым последняя оказывается лишенной эволюционной базы. Далее, субъективный метод оказывается совершенно неприложимым к изучению психики душевно-больных, притворщиков и т. д. Субъективное исследование, затем, никогда не может быть полным, т.к. наряду с процессами сознательными имеются процессы бессознательные, влияющие на первые. Да и по самой сути дела субъективное исследование дает лишь возможность копаться в личности, но не понять ее, ибо ценность личности определяется ее объективными качествами, ее проявлениями вовне. Все эти пробелы заполняются объективно-биологическим методом исследования личности.

Сущность доклада проф. Кравкова („Об объективном значении интроспективного метода“) сводилась к тому, что метод интро-

спекции объективен, т. к. результаты опыта проверяются на многих лицах; современная психология подвергла и подвергает метод интроспекции тщательной разработке и на этом пути достигла значительных результатов. В силу этого для рефлексологов и нецелесообразно, и нет необходимости отвергать метод интроспекции. Должна идти речь о взаимном сотрудничестве методов. Нет основания отказываться от путей, ведущих к истине.

В том же заседании был сделан методологический доклад проф. Зеленым „Естествознание и психология“. Проф. Зеленый предлагает различать метод и методику. Метод—это система конструкции понятий, методика—способ исследования. Метод физиологии—объективный, метод психологии—субъективный. Методика физиологии может быть субъективной, методика психологии может быть объективной. Отсюда вывод: психология наукой быть может, но делом естествознания она быть не может.

Каждое из перечисленных направлений представило ряд секционных докладов, имеющих большую научную ценность и касающихся частных сторон предмета, изложению которых здесь не место. Нужно лишь упомянуть, что школой проф. И. П. Павлова был представлен ряд докладов, имеющих огромное значение (Н. А. Подкопаев „Выработка условного рефлекса на автоматический раздражитель“; К. М. Быков „Опыты на собаках с перерезанным corpus callosum“; В. И. Сирятский „О мозаичных свойствах коры больших полушарий“; А. Т. Иванов-Смоленский „Опыт сравнительного изучения высшей нервной деятельности (синтетических условных рефлексов) собаки и человека“; Разенков „Материалы к вопросу об изменении возбудимости коры больших полушарий“ и другие).

Точка зрения биосоциологическая была развита в серии секционных докладов проф. А. Б. Залкинда и докладе и речи на заключительном пленарном заседании Съезда проф. К. Н. Корнилова. Основой воззрений проф. Залкинда являются диалектический материализм, рефлексология и фрейдизм. Он принимает рефлексологию и фрейдизм, как приложение метода диалектического материализма к изучению личности. Поправки, которые он вносит и в рефлексологию, и в психоанализ, заключаются в нагнетании их социальным содержанием. В самом деле, рефлексология вносит в изучение психики: 1) материализм в форме психофизиологического монизма в виде неразрывности, однозначности психических и физиологических компонентов рефлекса и всеобъемлемости последнего; 2) строгий детерминизм в виде биолого-материалистической обусловленности всех компонентов рефлекторного акта и, стало быть, всей психики; 3) активизм, действенность, выдвигая на первый план реакции; 4) динамизм—постоянную изменчивость в зависимости от той или иной установки на среду. Остается только нагнетать рефлексологии социальным содержанием, учесть, что для человека среда есть прежде всего социальная среда, а условный рефлекс человека—прежде всего социальный рефлекс. Связь между диалектическим материализмом, как общеметодическим философским мировоззрением, и рефлексологией, как биосоциологическим методом изучения лич-

ности, устанавливается, таким образом, легко. Нетрудно видеть, что учение Freud'a обладает теми же свойствами: 1) психофизиологическим монизмом, — физиологические и психические проявления организма для Freud'a односущны; проф. Залкинд по этому поводу указывает, что неверно, будто Freud—это психологизм; психологии, может быть, и надо будет перейти к рефлексологии через психоанализ; 2) детерминизмом, — все психические процессы, по Freud'u, строго-закономерно обусловлены, причем для Freud'a работа подсознания является полноценным психическим актом в той же мере, как и работа ясного сознания; этот целостный подход к психике весьма характерен для Freud'a и диктуется его детерминизмом; 3) активизмом, действительностью, — все психические процессы, по Freud'u, являются выражением органической активности, как определенной установки личности; 4) динамизмом, — весь психический опыт, по Freud'u, является результатом соотношения врожденных зон и влечений „я“ с окружающей средой. Так устанавливается и связь фрейдизма с диалектическим материализмом. Остается еще вопрос, каковы отношения фрейдизма и рефлексологии. Если принять во внимание еще одну основную сторону учения Freud'a, — его комплексологию, т. е. представление всего психического опыта в виде комплексов, — ассоциативных сочетаний, объединенных общностью основной эмоции, и механизм действия этих комплексов, по Freud'u, по модели рефлекса, — раздражение — реакция или торможение, — то станет ясным, что „Freud первый на психологическом языке выявил лишь позже развившееся учение об условных рефлексах“ (Залкинд).

Основным методическим докладом проф. Залкинда был доклад под заглавием „Место Freud'a в современной биологии“. Что дал Freud? — спрашивает докладчик. Основа — бегство в невроз, создание системы действий компенсаторного характера. В основе невроза — неоформленные влечения и зоны, встречающие препятствия, создающие конфликты. Последние создают вытеснения, которые конвергируются. Преодоление конфликта — сублимация, использование энергетического фонда не по прямой линии. Вытесненный материал является дирижером организма. Сомнамбулизм, галлюцинации являются формой самоудовлетворения. Перенос — полуудовлетворение, адресующееся к другой личности, могущее дать подувздоровление. Внушение, по Freud'u, — система активных взаимоотношений в виду переноса энергетического фонда. Невроз, по Freud'u, устраним, излечим. Поправки Adler'a: 1) Для Freud'a комплекс вытесненных влечений — замкнутая область (осумкованный эхинококк); Adler развернул психоневроз, восстановив единство личности. 2) Adler отбросил пансенсуализм, выдвинув волю к власти, к жизни. 3) Для Adler'a невроз всегда адресуется к среде. 4) Для Freud'a аффективность есть результат прорыва вытесненного материала, для Adler'a аффект происходит от сверхкомпенсации. Поправки докладчика: 1) Конфликты происходят от социальной среды. 2) Всякий психоневроз — социофобическая стратегия. 3) Половой фонд психоневроза не биологически первичен, половой момент является паразитом, отсасывающим энергию. 4) Невроз может быть в зависи-

мости от неиспользованного энергетического фонда. 5) Внедрение в коллектив вместо использования переноса. 6) Пансенсуализм необязателен, символическое шарлатанство не устраняет ценности учения Фрейд'a. Психопатология может быть переведена на рефлексологический язык.

Дальнейшие доклады проф. Залкина являлись приложением развернутых им в основном методическом докладе принципов к частным проблемам. В докладе: „Война и Психоневрозы“ Залкин указывает, что психоневроз заключается в стратегический установке, побуждающей организм к использованию болезненных симптомов, возникающих вследствие острой эмоции, для отстаивания особых психоневротических целей. Это — психоневротическая телеология, ложная целевая установка организма, психоневротические условные рефлексы. Характерная установка военного психоневроза — бегство от войны в психоневроз. Этот психоневротический элемент удается выделить и в случаях, смешанных с органическими заболеваниями. Военный психоневроз, таким образом, связывается с социальной установкой, делающей войну для воина вынужденной. Отсюда следует, что профилактика и терапия военных психоневрозов заключаются в создании целевой установки на войну. В этом и может проявиться действительная сублимация. Тот же ход идей докладчик развивает в докладе: „Революция и Психоневрозы“. Революцию привыкли рассматривать, как процесс, влекущий за собой повышение психических и нервных заболеваний. На самом деле победоносная революция освобождает целый ряд скрытых сил и энергию в массах и способствует уменьшению благоприобретенных психоневрозов. Наблюдаемые психоневрозы касаются людей, выбитых из колеи, деклассированных. В докладе: „Детские психопатии в коммунистической педагогике“ проф. Залкин указывает на то, что выяснены наследственные, анатомические, химические поводы и симптомные проявления детских психопатий, но не изучены их социальные первоисточники. Нет, следовательно, и методики радикальной борьбы с ними. Между тем детские психопатии более непосредственной социогенной природы, чем туберкулез и сифилис. Последние — результат социально-физического нагнетения, первые же являются нарушениями в области социально-контактной установки. Если исключить сравнительно небольшую группу дебилов, обладающих врожденной общепсихической недостаточностью, то остальные аморальные и дисморальные проявления относятся в подавляющем большинстве к случаям неудовлетворительной социальной организации детского энергетического богатства, к ошибкам прямого и косвенного воспитания. После хорошей расшифровки детской индивидуальности оказывается, что у нее имеется своя собственная этика, ибо этика — это социальная проекция интересов и влечений. Говорят, у психопатических детей сломано внимание, а без внимания нет устойчивых интересов, не может быть и этики. После психопатических исследований мы знаем, что отсутствие явного внимания сплошь и рядом оказывается гигантским подсознательным его сосредоточением, — что у человека нет внимания к тому, к чему мы бы хотели его привлечь, но у него есть свое внимание. Детская психо-

патия, таким образом, оказывается иной установкой интересов, иным рефлексом цели. Дефективность здесь мнимая. Онанизм, преждевременная сексуальность у детей—результат социального тормоза, накладываемого современной семьей и школой естественный процесс социальной сублимации первичной детской эротики. Не получая социального оттока, сексуальность обращается внутрь, вызывая преждевременные половые физиовлечения. Таким образом детские психопатии в подавляющей их части представляют собою систему благоприобретенного опыта, систему условных рефлексов, т. е., при соответствующем воздействии, устранимых.

Другой представитель той же точки зрения, проф. К. Н. Корнилов, формулировал свои взгляды в речи на заключительном пленарном заседании Съезда. Сущность речи проф. Корнилова: основной вопрос—это взаимоотношение психологии и рефлексологии. Я (проф. Корнилов)—представитель психологии поведения. Эмпирическая психология—мощное течение. Оно насчитывает в своей среде таких выдающихся исследователей, как Wundt, Ebbinhaus, Тieschener и др. Возникшая из оппозиции метафизической психологии, она не сдержала данных обещаний и сама оказалась пропитанной умозрением. Объектом своим она считает душевные явления, резко отличные от явлений соматических. По сути эта психология идеалистична и дуалистична. Это находит свое выражение в основной ее рабочей гипотезе психофизического параллелизма. Она лишена должного анатомио-физиологического обоснования. Изучение личности не достигается. Она пропитана интеллектуализмом. Память по ней интеллектуалистична, ассоциация также толкуется интеллектуалистически. Тем не менее правильно, что нельзя игнорировать психические процессы. Психика—реальность. С методом эмпирической психологии также неблагоприятно. Метод самонаблюдения игнорирует бессознательное, зоопсихологию и психологию ребенка. Контроль также не достигает цели. В результате получаются абстрактность и индивидуалистичность. Эта психология не дает средств понять поведение человека. За последние 20 лет в России в этом отношении произошел большой сдвиг, создана антитеза. Отцом ее является Сеченов. Это же наблюдается и в Америке,—там выдвигается на первый план поведение. В России рефлексология представлена наиболее объективно Павловым, полнее—Бехтеревым. Но рефлексология не покрывает поведения человека; поведение—факт не только биологический, но и биосоциологический. Растворить социологию в биологии невозможно. Единственное мировоззрение, на котором может быть правильно построено изучение личности,—это не наивный, а диалектический материализм. Психика должна рассматриваться, как свойство высокоорганизованной материи. Этим решается и вопрос о методе: метод должен быть тот же, что и для материи. Здесь соприкосновение с рефлексологией. Но по отношению к человеку необходимы поправки, которые намечают контакт с эмпирической психологией. Синтез представляется в виде реактологии, как биосоциологической науки о поведении человека.

Проф. Залкинд и проф. Корнилов стоят, таким образом, на почве диалектического материализма, но по отношению к

проблеме личности первый опирается на социологизированные рефлексологию и фрейдизм, последний—на ту же рефлексологию с объективным использованием эмпирической психологии, выдвигая на первый план поведение человека.

Таковы те три точки зрения, которые вели борьбу на Съезде. Съезд определенно склонился на сторону объективизма. Правильно-ли? Чтобы ответить на этот вопрос, позволю себе прежде всего привести самый сильный, на наш взгляд, аргумент против объективного метода, как этот аргумент охарактеризован James'ом в связи с другой задачей—характеристикой психофизического параллелизма. „Согласно теории автоматизма, — говорит James, —если-бы мы знали в совершенстве нервную систему Шекспира и абсолютно все условия окружавшей его среды, то мы могли-бы показать, почему в известный период его жизни его рука исчертила какими-то неразборчивыми черными знаками известное число листов, которые мы для краткости называем рукописью Гамлета. Мы могли-бы объяснить причину каждой пометки и переделки; мы все-бы это поняли, не предполагая притом в голове Шекспира решительно никакого сознания. Слова и фразы мы будем при этом рассматривать не как знаки известных идей, а просто как чисто-внешние факты. Подобным же образом теория автоматизма утверждает, что мы могли-бы написать подробнейшую биографию тех 200 фунтов, или около того, тепловатой массы организованного вещества, которая называлась Мартин Лютер, не предполагая, что она когда-нибудь что-либо ощущала. Но, с другой стороны, ничто не мешало-бы нам дать столь же подробный отчет о душевной жизни Лютера или Шекспира, такой отчет, в котором нашел-бы место каждый проблеск их мысли и чувства. Тогда душевная жизнь человека представилась-бы нам протекающей рядом с телесной, причем каждому моменту одной соответствовал-бы известный момент в другой, но между тем и другим не было-бы никакого взаимодействия. Так мелодия, льющаяся со струн арфы, не замедляет и не ускоряет колебания последних, так тень пешехода сопровождает его, не влияя на скорость его шагов“. Повторяем, здесь речь идет о психофизическом параллелизме. Но аргумент этот может быть обращен и против рефлексологии. В чем сила его? В том, что объективный метод изучает процесс намеренно таким образом, что сознание не учитывается, при данном методе результат процесса оказывается независящим оттого, протекал ли он, как сознательный, или бессознательный. Если-бы в один момент в мире потухло сознание, то с точки зрения объективного метода ничто-бы не изменилось. Все продолжало-бы течь по прежнему, не было-бы только, пожалуй, проблемы чужого „я“, ибо не было-бы своего „я“. Но ведь сознание, психика существуют, а если существуют, то детерминизм, обусловленность должна быть распространена и на нее, как на факт высшего приспособления. Если это—свойство высокоорганизованной материи, то наличие этого свойства должно отразиться на реакции материи,—ее скорости, направлении и т. д. В этом аргументе необходимо разобраться. Прежде всего он относится в равной мере к субъективному методу, ибо и он оставляет сознание вне детерминизма, принимая психику, как самоцель,

что выдает его идеалистическую природу. Значит, весь вопрос заключается в том, на каком методическом пути у нас всего больше шансов детерминистически разрешить самую захватывающую из проблем человеческого знания,—на пути объективном или субъективном. Ответ может быть только один—объективным, ибо только на этом пути нет разрыва явления и, стало быть, только на нем есть шансы найти искомое неизвестное. В. М. Бехтерев говорит: „Мы не думаем отрицать психическую реальность, но мы вправе утверждать, что психическая реальность не есть нечто обособленное от процессов мозга. Мы говорим, что психический и мозговой процесс неотделимы друг от друга, а потому, изучая мозговой процесс в его высших проявлениях, мы изучаем вместе с тем ход и развитие психического процесса“. Добавим, что прием, который употребляет объективный метод, хорошо известен и законен: мы изучаем реакции сознающей материи, как несознающей; рано или поздно мы при этих условиях должны натолкнуться на факты, которые, быть может, дадут возможность найти и вычислить поправку на сознание. Успех объективных школ, сравнение того количества реального знания, которое они накопили в течение менее 25 лет, в сравнении с бессилием самонаблюдения заставляют снова и снова сказать: наука—это объективный метод. Принять-ли, как вспомогательный прием, фрейдизм, позволяющий в психологических пока терминах, но по существу рефлексологических, глубоко проникнуть в личность, принять-ли не как метод, а как вспомогательную методику, некоторые приемы эмпирической психологии, при гарантии их объективного перевода,—это вопросы, имеющие рабочее, а не принципиальное значение.

Позволю себе еще остановиться на следующих двух пунктах. Во-первых, на Съезде часто ставился и дебатировался вопрос о конституции и среде, но так и не получил точной формулировки. С точки зрения учения об условных рефлексах при взгляде на личность в действии ответ может быть дан следующий: конституция—это система безусловных рефлексов личности. И конституция зависит от среды, в том числе социальной, но в смысле чрезвычайно медленных (видовых) изменений. Все остальные реакции личности относятся к системе ее условных рефлексов, целиком обусловленных данной средой в смысле отражения происходящих в ней изменений созданием той или иной установки. Во-вторых, в настоящее время психоневрологам уместно выдвигать и оттенять классификацию болезненных процессов на процессы, поражающие систему безусловных рефлексов, и процессы, поражающие систему условных рефлексов. Это деление отнюдь не совпадает с анатомическим делением на органические и функциональные заболевания. Поражение системы безусловных рефлексов часто, почти всегда является одновременно причиной поражения системы условных. В клинике блестящим представителем такой формы является т. наз. травматический невроз. Оценить и расчленить в каждом случае эти два процесса—задача клинициста, имеющая большое практическое значение в смысле терапии. Что такое истерия с точки зрения этого деления? Болезнь системы условных рефлексов личности. Мы не касаем-

ся вопроса, можно-ли говорить об истерической конституции с этой точки зрения, и в каком смысле. Роль социальной среды по отношению к процессам первого рода заключается в поставке этиологического момента и т. п. Процессы второго рода целиком социальные, целиком определяется средой их этиология, симптомы, течение, прогноз, терапия.

В ходе нашего изложения можно убедиться, как часто мы обращались к тому освежающему источнику знания, которое представляет учение об условных (resp. сочетательных) рефлексах, и какие необъятные перспективы открывает этот источник по отношению к труднейшим проблемам. Я позволю себе, поэтому, в заключение напомнить слова Сlарагёде'а: „Когда физиологи создадут рядом с психологией физиологию головного мозга,—я разумею физиологию, а не психологический сколок, который они нам преподносят под этим именем,—физиологию, способную говорить от себя и без того, чтобы психология подсказывала ей, слово за словом, то, что она должна сказать,—тогда мы посмотрим, есть-ли выгода упразднить человеческую психологию. Но мы еще до этого не дошли“. Трудami русских ученых мы до этого уже дошли, или, по крайней мере, доходим.

Рефераты.

а) Биология, морфология, физиология и пр.

Новое в биологии аскарид (странствование их). Установленный еще в 1887 г. Grassi цикл развития аскарид и механизм заражения ими человека, причем попадающие в желудок яйца их развиваются в кишечнике в зрелые половые формы, считались фактами, совершенно выясненными и не требующими дальнейшего исследования. Однако, ряд немецких, американских и японских экспериментальных работ показывает, что биология аскарид значительно сложнее, и что между моментом инфекции и началом развития половой формы в кишечнике аскариды проходят весьма извилистый и причудливый путь в организме хозяина. Так, Fülleborn (Klin. Woch., 1922, № 6 и № 20) в целом ряде исследований, начатых частью еще до войны, заражая крыс, мышей, морских свинок и кроликов яйцами аскарид, показал, что личинки их, проходя желудок, проникают через кишечную стенку в вены, попадают в v. porta, в печень; отсюда личинки через v.v. hepaticae и v. cava inf. переносятся в правое сердце, а отсюда в малый круг кровообращения; часть личинок аскарид, пробуравливая капилляры легких, затем, попадает, в легочную ткань и отсюда в бронхи, где движениями мерцательного эпителия бронхов переносится до трахеи и на высоте ее с проглатываемой слюной вновь попадает в пищевод, желудок и кишечник. Только пройдя этот длинный путь, личинка аскариды подвергается биологическим изменениям, дающим ей возможность продолжать развиваться в кишечнике хозяина до зрелой половой формы.